DOI: 10.17117/ns.2014.02.159

Поступило в редакцию: 03.12.2014

<http://ucom.ru/doc/ns.2014.02.159.pdf>

public@stu.ru

Давыдов А.И. Человек в культуре: психоаналитическое видение

Davydov A.I.
Man in culture: a psychoanalytic vision

Психоанализ – неотъемлемая составляющая не только психологической, но и философской традиции нашего времени. В данной статье автор рассматривает проблему человека в культуре в контексте прикладного психоанализа, под которым подразумеваются все внеклинические исследовательские разработки. Доказывается, что несмотря на разнообразие взглядов и точек зрения в различных течениях психоанализа, которые рассматриваются в статье, по этому основному вопросу психоаналитическая мысль сохраняет принципиальную преемственность и единство

Ключевые слова: сублимация, идентификация, амбивалентность, регрессия, психоанализ

Psychoanalysis – an integral part of not only psychological, but also the philosophical tradition of our time. In this article the author considers the problem of human culture in the context of applied psychoanalysis, which refers to all outside the clinical research developments. It is proved that in spite of the diversity of views and perspectives in different currents of psychoanalysis, which are discussed in the article on this fundamental question of psychoanalytic thought retains the fundamental continuity and unity

Key words: sublimation, identification, ambivalence, regression analysis

Давыдов Алексей Иннокентьевич

Кандидат философских наук, доцент
Сибирский государственный университет путей
сообщения
Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191

Davydov Aleksey Innokentevich

Candidate of Philological Sciences,
associate Professor
Siberian State University of Railway Transport
Novosibirsk, Dusi Kovalchuk st., 191

В философии психоанализа (под которым сейчас можно понимать сумму различных школ и направлений, придерживающихся так называемого «психодинамического подхода») проблема взаимоотношения человека и культуры одна из наиболее важных. Начиная с З.Фрейда, психоаналитические изыскания центрированы на изучении влияния культуры на поведение и ментальность ее носителей.

В сущности, под основной характеристикой культуры Фрейд понимал обширный и сложный комплекс психологических и институциональных механизмов, посредством которых обществу удастся превратить человека в социальное существо. Культура учит членов одного сообщества сходным образом определять и вытеснять то, что относится к табуированной сфере. Тем самым она способствует консолидации сообщества и придает ему своеобразие, отличие от других. При этом механизмы вытеснения, действующие на групповом и

индивидуальном уровне похожи, хотя и не полностью аналогичны. Механизмы же идентификации порождают социальную связь на основе общих идеалов и запретов. Культура основывается на результатах вытеснения, осуществленного предыдущими поколениями, и каждому новому поколению приходится оберегать культуру, совершая то же самое вытеснение.

Фрейд рассматривает культуру не столько как среду, в которой создаются произведения искусства и рождаются достижения человеческого интеллекта, но, прежде всего, как инструмент управления обществом. Очень тонкий инструмент, использующий постоянное манипулирование заученными в детстве стереотипами, определяющими сознание и поведение, нормами, делающими допустимыми те или иные поступки (этикет, требования приличия и морали).

Каждый индивид находится, по выражению российского культуролога А.Я.Флиера, в «персональной культурной тюрьме» [1, с.5], являясь рабом предписаний культуры. Культура и общество возникают в результате обуздания базовых бессознательных влечений, коренящихся в природе человека. Сама по себе человеческая природа для Фрейда морально нейтральна и широко наделена возможностями проявления равно как добра, так и зла. Степень их актуализации не predetermined, но в известных пределах зависит от характера общества и развитости его культурных институтов. Однако, пишет Фрейд, «вера в изначальную доброту человеческой природы – вредная иллюзия» [2, с.42].

Возникновение морального сознания, согласно психоаналитической теории, связано у индивида с вытеснением детских желаний. Внешний запрет при этом замещается внутренним. Сверх Я заключает в себе социальные ценности и формирует мораль ребенка по образу Сверх Я родителей, тем самым обеспечивая трансляцию ценностей при смене поколений. Это проекция на человека социальных ценностей. Фактически сама воплощенная культура. Само развитие и усложнение общества и психического аппарата человека ведет к возникновению этой внутриличностной инстанции, которая и оказывает решающее влияние на культуру. Тяжесть культурных запретов острее ощущается молодыми людьми с незавершенной социализацией, отсюда вечный антагонизм поколений. Чем динамичнее развивается культура, тем этот конфликт острее и тем больше способствует дальнейшему прогрессу, поскольку увеличивает недовольство молодежи устаревающими нормами и тенденцию к их изменению. Первыми расплачиваются те, кто обогнал свое время. Однако репрессивность культуры порождает энергетику развития и новации. Культура своей нивелировкой парадоксально выделяет сильнейших и талантливейших. Если человек не способен быть сильным, нарушая или обходя рамки культурных запретов, и не способен к идентификации с массой, он выталкивается в болезнь. Культура ради всех защищает себя от одиночек, не вписывающихся в рамки, как сумасшедших, так и преступников. Психоанализ как терапия ориентирован на помощь тем, кто не выдержал репрессивности культуры, не может быть героем и кто должен хоть как-то адаптироваться к ней. С одной стороны, культура – комплекс необходимых запретов, с другой – набор спасительных проекций, позволяющих снимать в различных формах страхи, агрессию и чувство вины, ими порождаемое. Однако гораздо больший культурный потенциал

содержится в механизме сублимации. Посредством сублимации культура удовлетворяет нереалистические желания, освобождает импульсы и стремления ею же запрещенные и ограничиваемые, проецируя их на замещающий или иллюзорный объект. «Сублимация инстинктов, – пишет Фрейд, – является наиболее бросающейся в глаза чертой культурного развития» [3, с.78], именно благодаря ей становится возможной высшая психическая деятельность: научная, художественная, идеологическая. Именно она играет важнейшую роль в творчестве. Но любая сублимация не может быть полностью эквивалентной непосредственному удовлетворения базовых влечений и, следовательно, не вполне заменяет последние.

Таким образом, в психоанализе, начиная с Фрейда, утвердилось понимание культуры как принципиально амбивалентного явления. В концепции З.Фрейда биологические, психологические и социальные компоненты человеческой сущности представляют собой противоречивое единство. Психологическое измерение человека при этом кардинально повлияло на представление о природе цивилизации. Культура объясняется на основе раскрытия глубинной сущности человека, который понимается как динамично развивающееся, до конца не завершенное, вечно становящееся и конституированное из разнопорядковых, конфликтующих между собой частей, существо.

Современная культура усиливает страхи, «базовую тревогу» и тем самым носит невротический характер. Она повинна в «невротических стремлениях к власти, престижу и обладанию» [4, с.45]. Культ успеха, конкуренция, страхи, эмоциональная изоляция усиливают потребности в любви и понимании, а их нереализованность порождает глубокое разочарование в культуре. Культура дает человеку различные формы психологической защиты, с помощью которых он обороняется от базовой тревоги, являющейся неотъемлемой характеристикой человеческой экзистенции в современном мире. Большая часть из них деформирует подлинную личность, создавая конформистский, конфликтный или изоляционистский типы поведения. Человек К.Хорни – «расколотый человек» [5, с.320]. Если для Фрейда Сверх Я – инстанция, формируемая семьей, то Э.Фромм первым в рамках психоанализа укажет, что главное – это культура и структура общества, в которые семья вписана. Сверх Я – это интернализация не столько родительских запретов, сколько общества в целом. Социально-экономические и политические условия облегчают одни способы «бегства от свободы», т.е. усвоения табу, и затрудняют другие. Благодаря этому «у большинства членов общества развиваются приблизительно одинаковые черты характера» [6, с.94]. Идея социального характера и его соотношения с конкретными культурами, а также историческая динамика переформирования – центральная в творчестве Фромма. По Фромму, человек изначально самотождественен, а все искажения и диссоциации идут из культуры. В известном смысле Фромм начинает там, где в своей критике культуры остановился Фрейд, придавая ей социальное звучание. Его социальное бессознательное – вторичный продукт репрессивного общества (мысль, высказанная впервые В.Райхом). Спасение от антигуманной составляющей современной культуры, ее автоматизированного конформизма – в развитии спонтанной активности и

творчества. Цель психоанализа – активизация внутреннего потенциала личности, что позволяет ей не просто как-то приспособиться к цивилизации, но занять творческую продуктивную позицию. Насущной проблемой современной цивилизации, по Э.Эриксону, является не создание еще одной идеологии, не «возрождение старины» или «поиск корней», не «национальная или общечеловеческая идея», а формирование новой универсальной этики, учитывающей законы и динамику развития человека, его идентификационные потребности, и способной стать научной основой новой системы воспитания будущих поколений. Критика культуры и современного общества всегда была характерной чертой психоанализа как направления научной и общественной мысли. Сама процедура анализа предполагает безжалостное расчленение проблемы для того, чтобы «добраться до глубин», до истоков, до скрытых мотивов. Естественно, что критичность стала неотъемлемым свойством психоаналитической теории и практики. «Маленький человек» В.Райха – жертва репрессивной культуры и одновременно ее представитель и транслятор. Он сам себе надсмотрщик. Г.Маркузе пишет, что «концепция человека, которая следует из теории Фрейда, – неопровержимый обвинительный акт западной цивилизации» и в то же время непоколебимая защита цивилизации вообще [7, с.72]. Центральное понятие концепции культуры Рональда Д. Лэйнга – деперсонализация. Современная культура отчуждает человека от его переживаний, способствует расщеплению личности, стимулирует деструктивные защиты. Личность начинает во всем видеть манипуляцию. Все современные социальные институты разрушают человеческую природу, приравнивая ее к бытию в мире социальных галлюцинаций. Безумцами называют тех, кому не удалось приспособиться к ненормальной реальности. Современная цивилизация рассматривает внутренний мир человека как опасный, а сам процесс погружения в него как патологию.

Главное для современной культуры – мир социальных условностей, а не смыслов. Наиболее здоровой у человека является сфера свободной фантазии, но именно она отбрасывается в сегодняшнем мире как нечто незрелое. Результат – внутренние противоречия, разорванность различных аспектов души и тела, особенно мучительные для человека не способного быть конформным, ставшим «полубезумным существом в сумасшедшем мире» [5, с.431].

Согласно Р.Мэю, в основе всех болезней человека как социокультурного существа лежит тревога, являющаяся недифференцированной эмоциональной реакцией на проблемы человеческого существования. Это индикатор внутриспсихических конфликтов, вызываемых столкновением с дегуманизированной средой. В отличие от нормальной тревоги и ситуационных страхов, она неадекватна ситуации, поскольку является реакцией не на реальную опасность, а на «культурный фон» [8, с.356], ощущение бессмысленности существования. Современная западная цивилизация, как пишет Р.Мэй, патологична и шизоидна, поскольку механистична, массоидна и способствует отчуждению людей друг от друга. Невротик – «Кассандра, предсказывающая будущее культуры» [9, с.54].

Основанием культуры у В.Франкла является не динамическое равновесие между принципами удовольствия и реальности, достигаемое репрессивными и

конверсионными механизмами культуры, как в классическом психоанализе, не коллективное бессознательное, а присущее человеку стремление к смыслу, его экзистенциальная самооценочность. Если в культуре воля к смыслу подвергается фрустрации в результате ощущения человеком своей пустоты и никчемности, тогда на первый план выступают стремление к власти, сублимация, архетипы. Культурные ценности для Франкла – это универсалии смысла, связанные с типичными ситуациями, с которыми сталкиваются разные общества и человечество. Современная культура жестко не предписывает человеку нормы поведения, не диктует ему того, что он должен делать. Человек оказывается в пустоте смыслов – экзистенциальном вакууме. Это духовный кризис, возникший в результате распада традиций и угнетения инстинктивных программ, утраты универсальных смыслов культуры. Путь к преодолению «ноогенных неврозов» современности – самотрансценденция, т.е. выход за пределы культурно ограниченного Я в поисках смысла – «Жизнь как миссия» [10, с.211]. Убеждение в этом – цель экзистенциального анализа.

Наибольшее развитие к настоящему моменту получила теория «объектных отношений» (английская и венгерская школа психоанализа), в которой исследовательские и терапевтические акценты сместились с дериватов влечений (драйвов) бессознательного на межличностные связи и адаптацию человека к культурной среде. Значительная часть современных психоаналитиков ориентированы на изучение нарциссизма, как главного следствия изменения психологии и культурных установок человека постиндустриального общества. О.Фенихель пишет о «нарциссической жажде власти» [11, с.740], Х.Кохут о «нарциссической личности» и «нарциссическом гневе» [12, с.87], Д.Берман о нарциссическом творческом самоудовлетворении, характерном для современного искусства. Сегодняшний культурный контекст – наилучшая среда для порождения и расцвета нарциссизма. Для нарциссической личности Я, не подтвержденное «значимыми Другими», становится плохим, а разочарование переживается как жизненная катастрофа. Постоянный контроль за впечатлениями, производимыми на других, требует слишком больших сил, приводит к патологии развития и самооценки. Имиджевая репрезентация вовне «социального Я», предписываемая культурой, и потребности в адекватной самооценке вступают в противоречие. Нарциссическая личность у Х.Кохута не подвержена чувству вины, а лишь чувству стыда, возникающему из-за несоответствия «грандиозной Самости» жизненным реалиям. Чувство вины сейчас предпочитают описывать в постмодернистской лексике как пустоту, скуку, фрагментарность и разорванность личности, безадресную раздражительность. Давление Сверх Я, через которое опосредованно проявляется культурная репрессия, выражается в разных формах неудовлетворенности, описываемых современным психоанализом как «диффузия идентичности» Э.Эриксона или «состояние истощения Самости» Х.Кохута. Большинство современных психоаналитиков соглашались с тем, что для человека в сегодняшнем мире характерна «социокультурная патология самоидентичности» [12, с.296], выражающаяся в отсутствии готовности и способности к пониманию во все усложняющемся мультикультуральном пространстве; в потере веры в науку и благотворное воздей-

ствие культуры; в пессимистической оценке роли общественного прогресса и роли общества в судьбе отдельного человека; в потере чувства реальности собственной жизни, ее виртуализации; в отсутствии понимания необходимости выполнения своей социальной роли. Таким образом, в современном психоанализе растет убежденность в базовой конфликтности цивилизации (как процесса создания и суммы материальных благ) и культуры (как духовного пространства). Для всех форм психоанализа остаются принципиальными трактовка культуры, с одной стороны, как выражения изначальных психических качеств человека, а с другой – как ограничивающей спонтанной проявление этих качеств системы, объяснение культурных процессов с учетом психической их детерминации, осмысления культуры с точки зрения бытия в ней человека.

Список литературы:

1. Флиер А.Я. Культура как репрессия. М.: Диаграмма, 2006. 320 с.
2. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. 296 с.
3. Фрейд З. Недовольство культурой // Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. 296 с.
4. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Акад. проект, 2008. 207 с.
5. Лейбин В.М. Постклассический психоанализ. Т. 2. М.: Территория будущего, 2006. 565 с.
6. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Акад. проект, 2007. 270 с.
7. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. 332 с.
8. Мэй Р. Проблема тревоги. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 431 с.
9. Мэй Р. Мужество творить: очерк психологии творчества. Львов: Инициатива, 2001. 88 с.
10. Франкл В. Воля к смыслу. М.: Апрель-Пресс, 2000. 286 с.
11. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М.: Акад. проект, 2004. 848 с.
12. Кохут Х. Анализ Самости: системный подход к лечению нарциссических нарушений личности. М.: Когито-Центр, 2003. 367 с.

References:

1. Flier A. Culture as a reprisal. M.: Diagram, 2006. 320 p.
2. Freyd Z. Future of an Illusion // Freud. Psychoanalysis. Religion. Culture. M.: Renaissance, 1992. 296 p.
3. Freyd Z. Civilization and its Discontents // Psychoanalysis. Religion. Culture. M.: Renaissance, 1992. 296 p.
4. Horni K. The Neurotic Personality of Our Time. M.: Acad. project, 2008. 207 p.
5. Leybin V. Postclassic Psychoanalysis. Vol. 2. M.: The territory of the future, 2006. 565 p.
6. Fromm E. Escape from freedom. M.: Acad. project, 2007. 270 p.
7. Markuze G. Dimensional Man. M.: AST, 2003. 332 p.
8. Mey R. The problem of anxiety. M.: Penguin Books Press, 2001. 431 p.
9. Mey R. Courage to do: sketch the psychology of creativity. Lviv: Initiative, 2001. 88 p.
10. Frankl V. The will to meaning. M.: April-Press, 2000. 286 p.
11. Fenihele O. The psychoanalytic theory of neurosis. M.: Acad. Project, 2004. 848 p.
12. Kohut H. Analysis of the Self: A systematic approach to the treatment of narcissistic personality disorders. M.: Cogito Center, 2003. 367 p.